

указывалось как на существенное упущение, что в школах района членами КПСС были только 48% учителей истории, 46% - учителей географии, и что беспартийным был 101 директор средней и восьмилетней школы [3, д.1328, л.204]. Это было проявлением формализма в вопросах государственной политики, которая все больше вступала в противоречие с интересами дела.

Таким образом, государственная кадровая политика в сфере общеобразовательной школы БССР определялась в исследуемые годы стремлением партийно-государственного руководства республики обеспечить поступательный рост образования молодежи и всего населения, без чего невозможен был прогресс общества. Однако эти объективно правильные исходные позиции на практике преломлялись через призму идеологизированных взглядов и подходов партийных и государственных руководителей, что придавало этой политике определенную ограниченность, вело к разрыву с интересами дела, отрицательно влияло на развитие творческой инициативы и активности учительских коллективов и каждого учителя.

Литература и источники

1. Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Белоруссии. Мн., 1976.
2. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1985 году. Стат. ежегодник. Мн., 1986.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НА РБ). Ф.42, оп.7.
4. НА РБ. Ф.498, оп.1.
5. Лыч Л., *Навіцкі У.* Гісторыя культуры Беларусі. Мн., 1996.
6. Знамя юности. 1976. 24 марта.

I. СУСВЕТНАЯ ГІСТОРЫЯ

О.Субботин

Ноябрьская революция и проблема государственного устройства Германии

Приход социалистов к власти в результате Ноябрьской революции в Германии не повлек за собой смены прежней структуры государственного управления, в первую очередь из соображений недопущения дестабилизации социально-экономической и политической обстановки в стране. Произошло ничто иное "как перевод старой конституционной системы на новые рельсы,

когда верность монарху переросла в верность государству" [2, с.43]. Пытаясь обезопасить себя от претензий революционных органов власти, Совет народных уполномоченных уже 18 ноября 1918 г. издал распоряжение о неукоснительном соблюдении существующих законов и недопущении каких-либо изменений конституции без согласия руководства рейха, в том числе и принятия решений по вопросам территориального переустройства страны [2, с.44].

Параллельно с процессом формирования в стране временных высших органов власти и разграничением полномочий между ними встал вопрос о подготовке нового основного закона, принятие которого не только сформировало бы завоевания революции, ознаменовав собой её окончание, но и послужило бы прочным фундаментом новому демократическому и единому государству, призванному воплотить идеи, которые так и не были реализованы прежней конституцией. При этом сохранение единства государства и недопущение его распада, реальная угроза которого ни у кого не вызывала сомнения, стало первоочередной задачей правительства.

Разработка проекта будущей конституции была поручена берлинскому профессору государственного права Высшего коммерческого училища Гуго Фрейсу, назначенному статс-секретарём ведомства внутренних дел. Любая демократическая конституция пытается решить задачу нахождения внутриполитического баланса в государстве в целях его защиты от "минутного настроения народа". Немецкая конституция должна была к тому же решить и вторую задачу - "правильно сбалансировать взаимоотношения между немецким рейхом и входящими в его состав государствами. Это была вечная проблема немецкой истории и иллюзия революции 1870 г., считавшего её надолго решённой с принятием конституции Бисмарка" [7, с. 80-81].

Первым шагом на пути к поиску общегерманского согласия стала состоявшаяся 25 ноября 1918 г. в Берлине конференция с участием представителей немецких государств, созыв которой, по словам И.С. Дрябкина, "был признаком того, что революция не разрушила императивной структуры империи" [6, с.34]. Право окончательного регулирования межгосударственных отношений внутри страны было отнесено к компетенции Национального собрания, а на данном этапе

отнесено к компетенции Национального собрания, а на данном этапе предстояло лишь выработать "Временное положение о власти в стране". Новонспечённые немецкие республики взяли на себя обязательство сохранить единство Германии и поддержали созыв Конституционного собрания [5, с.33]. По предложению Прейса, 3 декабря 1918 года был создан небольшой совет из представителей ведомства внутренних дел, ведомства иностранных дел и юстиции, занявшийся вопросами разработки новой конституции. Членом этого совета стал и известный гейдельбергский профессор Макс Вебер. Противоречия прежней конституции он, как и Гуго Прейс, видел в слабости парламента, беспомощного перед лицом централизованного и мощного бюрократического аппарата [6, с.32]. Поэтому, будучи сторонником проамериканской ориентации и приверженцем федеративного государственного устройства, Вебер выступал за создание поста сильного президента и за сохранение преемственности всей системы органов государственной власти [6, с.33].

Вопрос о будущей форме государственного устройства Германии с первых же дней работы над новой конституцией занял одно из ключевых мест. В связи с угрозой дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране, вследствие партикуляристских настроений в государствах Южной Германии, сепаратистского движения на Рейне и в Вестфалии, серьёзного положение в Ганновере и на восточной границе Пруссии и т. д., принципиальная позиция правительства, высказанная на совместном заседании СНУ и Центрального Совета 31 декабря 1918 г., заключалась в недопущении "никаких территориальных изменений до созыва Национального собрания" [6, с.35].

Уже 3 января 1919 г. правительству был представлен первый вариант проекта конституции, а 14 января состоялось заседание рейхсканцелярии с участием Эберта, Шейдемана, Ландсберга, Прейса, фон Краузе, Брокдорфа-Раицау, Рейнхарда и др. [1, с.1], на котором с его обоснованием выступил Гуго Прейс. Предварительный проект конституции включал в себя 68 параграфов (общая часть) и был поделён на три раздела: рейх и немецкие государства, рейхстаг, президент и правительство. Особое значение в проекте Прейсом отводилось возможности проведения нового территориального деления. Залог создания прочного государства Прейс видел в сочетании децентрализации и чёткого разграничения полномочий. Будучи противником дальнейшего существования Пруссии, занимавшей 3/5

территории с населением в 40 миллионов человек [10, с.10], а также большого количества малых государств, едва ли способных к самостоятельному существованию, Прейс, исходя скорее из понятия "государства, нежели провинции", стремился поделить территорию Германии примерно на равные части, с приданием каждой из них функций высокопотенциальной автономии. Согласно его плану, т.н. "свободным государствам" отводилась в определённом смысле посредническая роль между органами власти на местах (община, город, округ) и органами управления, представляющими рейх. До принятия конституции в планах Прейса предусматривалось проведение нового территориального деления Германии, которая должна была в будущем состоять из 16 государств [12, с.82]. Таковыми могли бы стать: Пруссия (Восточная Пруссия и Западная Пруссия), Силезия (здесь же Позен), Бранденбург (здесь же Мекленбург и Померания), Берлин, Нижняя Саксония, три ганзейских города, Верхняя Саксония, Тюрингия, Вестфалия, Гессен, Рейнланд, Бавария, Вюртемберг, Пфальц, Германо-Австрия и Вена [3, с.43]. При этом Веймарская республика должна была опираться в будущем не на союз государств-членов, а на свободное волеизъявление всей немецкой нации. Функции будущих государств Прейс обозначил как "высокопотенциальное самоуправление", а сами государства как "самоуправляющиеся единицы" [2, с.62].

Проект новой конституции сразу же был воспринят как план расчленения Пруссии и не только не нашёл широкой поддержки в лице членов правительства, но и вызвал волну протестов со стороны правительств большого ряда союзных государств. По мнению немецкого историка В. Аппельта, Прейс, работая над новым основным законом, допустил ошибку, не увидев истинного характера революции, конечная цель которой заключалась вовсе "не в создании единого государства" [2, с.63]. Раздел Пруссии, многие политиканы скреплявшей своим авторитетом и своей мощью единство немецкого рейха и продолжавшей контролировать с помощью хорошо оплаченного бюрократического аппарата ситуацию на 3/5 территории Германии с 4/7 её населения, мог бы иметь в сложившихся тогда условиях непредвиденные и необратимые последствия. К тому же новая власть в Берлине была ещё достаточно слаба, чтобы "взвалить на свои плечи" всё бремя ответственности за стабильность и целостность страны. Прусский министр юстиции Гейне вообще выразил сожаление по поводу того, что разработка конституции была предоставлена "теоретику", который вместо того, чтобы

"использовать силу Пруссии на пользу рейха, принялся её делить" [3, с.44].

Создание сильного центра в стране сдерживали в первую очередь партикуляристские устремления государств Южной Германии. В Баварии "поднял свою голову *крайне* социалистический партикуляризм" [7, с.82]. Здесь было сформировано правительство под руководством независимого социалиста Курта Эйснера и создана Баварская Народная партия, провозгласившая в своей программе от 12 ноября 1918 г. лозунг "Бавария баварцам!", что фактически означало "прекращение экономической и политической зависимости Баварии от могущественного Севера" [7, с.85].

На правительственном заседании 14 января 1919 г. было принято решение о необходимости доработки проекта конституции с учетом мнений членов правительства и позиций отдельных государств. Одобрив в целом записку Прейса и согласившись с возможной перспективой раздела Пруссии, Эберт выразил мнение, что единство империи возможно лишь на федеративной основе, в связи с чем правительство должно постараться в рамках федеративного государства по возможности усилить экономическую власть республики, осуществить на деле единство республиканского законодательства и управления в отношении почты, железных дорог, образования, налогов и найти демократическую замену бундесрату [1, с.7].

19 января 1919 г. на основании положения от 30 ноября 1918 г. состоялись выборы в Национальное собрание, а днем позже, за подписью ведомства внутренних дел, был опубликован второй доработанный проект конституции. Как и ожидалось, новый проект вызвал неоднозначную реакцию политических сил в стране. Правые партии сразу же усмотрели в нем попытку "расчленения Пруссии" и выразили протест против чрезмерного, как им казалось, радикализма сформулированных в нем предложений, а Центр, напротив, демонстрировал недовольство сильно выраженными тенденциями в сторону централизма и "унитаризма". В целом, большинство буржуазно-демократических партий выразило негативное отношение к планируемому территориальному переустройству Германии [6, с.38].

С целью обсуждения проекта будущей конституции 25 января под председательством Фридриха Эберта открыла работу конференция с участием членов правительства, Центрального Совета, ряда министерств и ведомств, представителей правительств союзных немецких государств, а также австрийского посланника. Выступая с обоснованием проекта, Прейс

заявил, что целью будущего основного закона не может быть реальное воплощение идеи полного немецкого единства, т. к. создание единого унитарного государства во многих частях империи будет воспринято как "опрусачивание" Германии. Поэтому "проект может показаться унитариям недостаточно унитарным, а партикуляристам — заходящим слишком далеко" [1, с.70]. Прейс призвал к проведению всеобщей государственной реформы и выразил намерение центральных властей сосредоточить в своих руках ряд экономических рычагов управления, всё военное руководство и всю внешнеполитическую деятельность. Отстаивая идею проведения территориальной реформы в Германии, Гуго Прейс в тоже время попытался смягчить ряд существующих противоречий и заручиться поддержкой правительств, представляющих оппозицию Юга. Он заявил о территориальной неприкосновенности южно-немецких государств, "искусно организованных Наполеоном" с административной точки зрения и "доказавших жизнеспособность в их исторических формах" [1, с.72]. Но даже такое благожелательное отношение к государствам Южной Германии и готовность в определённой степени идти на компромисс не смогли внести раскол в лагерь собравшихся на конференцию представителей правительств. Государства Юга опасались, что раздел Пруссии — это всего лишь первый шаг центра, способный создать прецедент к ограничению их прав в будущем. Особенно жёсткую позицию заняла Бавария, глава правительства которой заявил, что "все возникающие сегодня трения связаны с отсутствием в стране федеративного союза равноправных государств" [1, с.79]. Выступая от имени Баварии, Саксонии, Вюртемберга, Бадена и Гессена Курт Эйсер потребовал, чтобы в качестве первого шага Национальное собрание приняло закон о временной власти в стране, выработка которого должна быть поручена правительству и "комитету государств" как представительству отдельных немецких республик в соответствии с соотношением голосов, существовавшим в прежнем бундесрате [1, с.73-74]. Отдельно от Баварии, Вюртемберга и Бадена было внесено предложение о принятии "временного основного закона". Смысл этого предложения сводился к созданию открытого для новых членов союза "Объединённых республик Германии". Пемецкий рейх распространяет через Национальное собрание право своего непосредственного законодательства, а президент, которого оно избирает простым большинством, представляет государство в области международных отношений и с согласия Национального собрания назначает

председательствует член правительства, но без права голоса; б. Поправки к конституции принимаются 2/3 голосов, а в остальных случаях — простым большинством; 7. Предложения правительства направляются в рейхстаг через рейхсрат, который обладает правом в течение двух недель опротестовать принятый закон [2, с.73].

В период с 5 по 8 февраля в Веймаре продолжились переговоры между представителями союзных государств и членами центрального правительства. Вопросы о компетенции рейха в военной сфере, а также в области почты, телеграфа и железных дорог было решено урегулировать посредством переговоров центра с каждым из немецких государств в отдельности [1, с.252]. В области общественной безопасности и правопорядка (§ 10) центральным органам власти передавалось право законодательной инициативы и управления в вопросах, касающихся единства государства [1, с.259]. Было также принято решение о введении единых федеральных налогов. Однако налогообложение по-прежнему должно было осуществляться в соответствии с местными законами [11, с.170].

4 февраля 1919 г. "Центральный Совет Германской социалистической республики" передал власть в руки Национального собрания [6, с.45], открывшего свою работу 6 февраля в Веймаре, которое уже 8 февраля приступило к обсуждению "Закона о временной государственной власти" в стране, принятого в третьем чтении спустя два дня "без серьезных дебатов и подробного анализа материалов" [8, с.17]. В нём, наряду с единством германского государства, провозглашались "республиканская форма правления и демократический парламентаризм". В тоже время из закона были сознательно исключены "трудные и обширные вопросы, посвящённые области компетенций властей" [9, с.13]. Принятый закон, состоявший из 10 параграфов, гарантировал союзным немецким государствам сохранение их территориальной целостности, закреплял право разработки конституции за Национальным собранием и необходимость согласования законопроектов между правительством и комитетом государств, с последующим их вынесением на рассмотрение Национальному собранию. С принятием данного закона "революция формально была завершена, по крайней мере, в той степени, в какой она была направлена против действовавшего законодательства" [1, с.69].

11 февраля Фридрих Эберт был избран президентом и в тот же день поручил Шейдеману сформировать правительство. 13 февраля Национальное

собрание утвердило новый кабинет [8, с.18], пользующийся поддержкой 3/4 голосов его состава и "сохранивший максимальную преемственность с последним составом СНУ и руководством главных имперских ведомств" [6, с.53]. Ни у кого в правительстве не вызывало сомнения, что союзные немецкие государства будут настаивать на закреплении высокого уровня своей самостоятельности в будущей конституции. "Единственное, что нам ещё поможет, - резюмировал Прейс, - так это то, что Бавария выдвигает настолько экстремальные требования, что никто на них не пойдёт" [11, с.158]. Было очевидным, что "правительство, опирающееся на унитарно ориентированные Национальное собрание и Центральный Совет" будет силой, противостоящей устремлениям земель, и, прежде всего в вопросе территориального переустройства страны [2, с.70]. По словам Эберта, "временная конституция дала государствам максимальные права, на которые мог пойти рейх" [11, с.159].

После внесения ряда поправок проект разработанной конституции 17 февраля был представлен комитету государств [2, с.74-75]. Главными моментами проекта были: новый федеративный характер немецкого государства, признание необходимости соблюдения прав человека, перераспределение компетенции центра на церковь и школу, создание судебного органа для разрешения межгосударственных споров внутри страны, создание института уполномоченных центральных властей в землях для контроля за соблюдением и исполнением законов на общегосударственном уровне, определение (ст. 15) критериев решения территориальных вопросов, подчинение центру налогового и таможенного ведомств и т.д. [2, с.75]. Возникло много разногласий по вопросам о компетенции властей и, в частности, в области железнодорожного, морского и речного сообщения, почты и телеграфа. К тому же, вопреки позиции Баварии и Вюртемберга, кабинет министров ограничил права ряда государств на владение собственными военными структурами, что явилось первой попыткой наступления центра на "резерватные права" [2, с.77]. Впрочем, по целому ряду пунктов так и не удалось найти компромиссного решения. Вопрос о путях раздела и объединения государств, а также окончательное решение вопросов о количестве голосов в рейхсрате и судьбе "резерватных прав" государств Южной Германии оставались открытыми. Этот проект конституции содержал 118 статей. Создание единого государства, как пишет Апельт, было своего рода политическим идеалом, а в

тот момент речь шла скорее о союзном государстве как единственно возможном гаранте сохранения территориальной целостности Германии [2, с.87].

24 февраля Национальное собрание начало обсуждение проекта конституции. Пленарные дебаты открытые Гуго Прейсом, длились 3 дня, а затем проект был перепоручен комиссии из 28 человек, которая занималась его проработкой с марта по июль на 42 заседаниях [7, с.93]. Весь дальнейший процесс парламентского обсуждения конституции показал, что вопрос о взаимоотношениях между рейхом и немецкими землями был одним из ключевых, а территориальные планы Прейса в отношении Пруссии так и не нашли серьёзной поддержки у представителей фракций [13, с.99]. Новая конституция была принята Национальным собранием 31 июля 1919 г. 262 голосами [11, с.170].

Принятие новой конституции в Германии окончательно закрепило завоевания Ноябрьской революции, "положившей конец столетней традиции конституционной монархии" [4, с.18] и провозгласившей республику. Работа над конституцией, развернувшаяся параллельно с дискуссией о форме будущего государственного устройства, показала, что для одних революция представлялась реальным шансом к созданию унитарного или близкого к нему по характеру государства, другие же рассматривали её как возможность придания рейху в большей степени формы конфедеративного устройства. Не смотря на то, что рейху удалось, преодолевая жёсткую оппозицию Пруссии и государств Южной Германии, расширить ряд своих компетенций по сравнению с конституцией 1871 г., от планов нового территориального деления и создания унитарного государства в конечном итоге пришлось отказаться. С принятием "Закона о временной государственной власти" и созданием рейхсрата центр фактически признал федеративный характер Веймарской республики.

Литература источники

1. Bundesarchiv Koblenz, R43 1/1863.
2. *Apelt A.* Geschichte der Weimarer Verfassung. Munchen, 1946.
3. *Biewer L.* Reichsreformbestrebungen in der Weimarer Republik. Frankfurt a. M., 1979.
4. Deutsche Verfassungsgeschichte 1849-1919-1949. Bonn, 1989.
5. Dokumente zur Deutschen Verfassungsgeschichte. Stuttgart-Berlin-Köln,

1991.

6. *Драбкин Я.С.* Стаиовление Веймарской республики. М., 1978.

7. *Eyck E.* Geschichte der Weimarer Republik. Erlenbach-Zurich-Stuttgart, 1954-1956.

8. *Kolb E.* Die Weimarer Republik. Munchen, 1993.

9. *Meissner O.* Das neue Staatsrecht des Reichs und seiner Lander. Berlin, 1923.

10. *Preuss H.* Entwurf der künftigen Reichsverfassung. Berlin, 1919.

11. *Schulz G.* Zwischen Demorratie und Diktatur. Berlin/New York, 1987.

12. *Vogel W.* Deutsche Reichsgliederung und Reichsreform in Vergangenheit und Gegenwart. Leipzig/Berlin, 1932.

13. *Winkler H.A.* Weimar 1918-1933. Munchen, 1993.

О.Лейко

Теория гильдейского социализма и практика большевизма: пути и прииципы социалистического строительства в Великобритании и Советской России

Октябрьская революция 1917 г. в России не на один день приковала общественное внимание к большевизму и вновь подняла во всем мире проблему власти и государственной организации. Социалисты всех стран были поставлены перед необходимостью дать ответ на два главных вопроса: 1. Необходима ли диктатура пролетариата как переход от капитализма к социализму? и 2. Является ли советская форма правления единственной фирмой, позволяющей пролетариату осуществлять политическую власть? [33, с. 57]

Ленин убеждал, что "большевизм годится как образец тактики для всех", так как "в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции всем странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия" [5, т.37, с.305; т.41, с.13]. Однако с ним не могли согласиться те, кто продолжал считать необходимым учитывать национальные особенности социалистической мысли и потому значение идей Ленина признавал в какой-то мере лишь для России [30].

Решиться на введение в свой политический лексикон диктатуры как что-то равноценного демократии могли далеко не все. Особое беспокойства